

Р.М. Абинякин

Добровольческая армия в городах Орловской губернии в 1919 году:

Орел, Ливны, Елец.

Доклад был прочитан 25.10.2019 на научной конференции «Гражданская война на Юге России», посвященной 100-летию Орловско-Кромской операции, в г. Орел. Публикуется в рамках социально-значимого проекта «1919 год – два цвета российской истории», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Недолгое пребывание Добровольческой армии в Орловской губернии довольно широко отражено в исторической и краеведческой литературе, но в основном затрагивает военно-стратегические моменты. Между тем взаимодействие местного населения и белых затрагивалось довольно слабо и мало, а главное, без подробностей. Не лучше обстоит дело и в воспоминаниях того времени. Помимо попыток обозначить «несомненную» поддержку себя народом, и красные, и их противники предпочитали не вдаваться в подробности. И все же в источниках имеется немало фрагментов, позволяющих проследить реакцию местного населения, преимущественно городского.

Сведений по Малоархангельску, Дмитровску и Кромам практически нет, однако Елец, Ливны и, разумеется, Орел освещены довольно неплохо.

Отношение местного населения к большевикам в те дни было далеким от восторженного. Как отмечали современники, в Орловской губернии «крестьяне ждут Деникина, верить не хотят, что Советская власть тверда»,¹ а при отступлении случались нападения на обозы и грабежи казенного имущества. В августе-сентябре 1919 г. в Елецком уезде в мятежах участвовало до 20 тыс. человек. Выказывало недовольство и городское население – причем, судя по упоминанию «буржуев», явно не зажиточное: «Кругом непонятная, непроглядная тьма, переименовали учебные заведения в трудовые школы, а дети с января бьют баклуши... Все учреждения набиты семитами от 13 лет до

¹ Частные письма эпохи Гражданской войны: По материалам военной цензуры / Публ. И. Давидян и В. Козлова// Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. – М.: Историческое наследие, 1992. С. 234.

глубокой старости. Буржуев всех поголовно выселяют из дома и из города... неразбериха по всей коммуне, устали ждать правильной хорошей жизни, возят чужое сено, рубят догола лес, имения стоят разоренные, и это называется хороший порядок и хозяйство»,² – свидетельствует житель Ливен. По сообщениям из Бежицы, «бабы взошли на завод, запретили всем работать и у начальства стали просить хлеба; два дня завод не работал, выдали по 2 фунта хлеба; вскоре опять вспыхнет забастовка. Когда здесь был Калинин, то четырех мастеровых вынесли мертвыми с завода от голода; не пройдет дня, чтобы кто-нибудь не умер от голода, а большевики имеют по 20 пудов белой муки. Наверно, скоро будет свержение власти».³

Во Мценске на рубеже июня-июля «было почти открытое возмущение. Власти надругались над мощами св. Кукши в монастыре [...] Потом порешили взять Николая Угодника и бросить его в реку [...] Собралась тысячная толпа, власти дали 3 выстрела [...] и уехали, руководил ими еврей».⁴ Резко поднималась волна антисемитизма, доходя еще в июне до погромной черты: «Жиду нужно бы воевать, а он уехал; а наши русские все воюют, как же их не бить окаянных, всех до одного жида, спекулянты ничего не боятся, а мы боимся всего»,⁵ – читаем в письме нашего земляка.

С начала лета ширилось дезертирство из Красной Армии и уклонение от мобилизаций. В конце июня рабочие города Болхова на митинге «совершенно отказались идти на войну... Орловские представители страшно возмутились».⁶ Карательные отряды, ловившие дезертиров, в августе доходили до грабежа мирного населения и применения телесных наказаний, как произошло в деревне Шиляевой и всей Алешинской волости Болховского уезда.⁷

Однако первым в Орловской губернии появился 4-й Донской отдельный конный корпус генерал-лейтенанта К.К. Мамантова. Произведя глубокий рейд

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ Там же. С. 220.

по красным тылам, он вторгся в Елецкий уезд и с 18 по 24 августа (с 31 августа по 6 сентября) удерживал Елец.

Появление мамантовцев было стремительным и неожиданным. Еще 16 и 17 (29 и 30) августа не наблюдалось никакой тревоги. Наоборот, представители власти заявляли, что силы казаков незначительны и находятся далеко от Ельца. Как вспоминал две недели спустя управляющий Елецким отделением Государственного банка, «первые пушечные выстрелы раздались около 5 ч. вечера. В это время шли еще заседания в исполкоме и др[угих] учрежд[ениях]. Вначале уверяли, что это слышен наш артиллерийский огонь, оказавшийся впоследствии казацким. Вскоре послышалась и пулеметная стрельба. очевидцы передают, что в это время улицы были наполнены бегущими и бросающими оружие красноармейцами. Лишь незначительные части отступили в порядке через Казаки к Чернаве».⁸

В то же время командир 14-й Донской конной бригады полковник А.В. Голубинцев (впоследствии генерал-майор) вспоминал занятие Ельца совсем по-другому: «В ночь на 19 августа генерал Мамантов занимает Елец; гарнизон не только не оказал сопротивления, но встретил казаков с музыкой».⁹ Как видим, Голубинцев указывает на два совершенно новых факта: по его версии, во-первых, Елец был занят ночью, а не засветло, и, во-вторых, отрицается какая бы то ни было паника и бегство частей Красной Армии – которые иначе просто технически не смогли бы организовать «встречу с музыкой».

Весьма различны и свидетельства о поведении мамантовцев в Ельце. В первые же часы в Ельце вспыхнул огромный пожар. Единственное указание на его причины косвенно можно усмотреть в замечании того же Голубинцева, что «все объекты, имевшие военное значение, были уничтожены казаками».¹⁰ В любом случае, недостающих для его тушения лошадей казаки дать не смогли,

⁸ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 9. Лл. 32-32 об.

⁹ Голубинцев А.В. Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920 гг. – Мюнхен, 1959. С. 112. Чрезвычайно любопытно, что в эмигрантском издании этих мемуаров используется дореволюционная орфография и шрифт, но написание фамилии командира корпуса дается в советском варианте – «Мамантов», через «о».

¹⁰ Там же.

«так как в этот день они прошли 100 верст».¹¹ В то же время даже в советских документах отсутствуют упоминания, что от пожара серьезно пострадали дома жителей.

Полковник Голубинцев бодро сообщает: «Красноармейцы и население охотно отозвались на объявленную генералом Мамантовым мобилизацию. Охрана города была возложена на отряд из местного населения; из красноармейцев было образовано три отряда для охраны обозов».¹² Эта охота, впрочем, может быть истолкована двояко: от сочувствия белым до примитивного удовлетворения в связи с назначением в обозные и караульные, а не строевые части. Среди местных жителей упорно ходил слух, «будто бы некоторые казаки... заказали себе у наших портных гимнастерки сроком изготовления – приход Деникина».¹³

Однако лишь накануне отступления командование корпуса удосужилось организовать хоть какую-то структуру управления. Первого «коменданта и начальника обороны г. Ельца и уезда» штабс-капитана Воронова сменил новый начальник обороны, командир 8-й Донской конной бригады генерал-майор Н.М. Кучеров. Приказом от 23 августа (5 сентября) он назначил: комендантом Ельца полковника Черногорского, градоначальником гражданина Витебского и начальником Елецкого уезда штабс-капитана Ходоско¹⁴. Было объявлено формирование добровольческого 1-го Елецкого полка под началом капитана Тимофеева,¹⁵ хотя никаких других сведений о данном подразделении нет.

По свидетельству очевидца, «в первое время казаки торопились, опасаясь наступления красных войск. Но затем спокойно предались разгрому города».¹⁶ Однако в банке сразу была поставлена надежная охрана; четверых красноармейцев караульного батальона лишь разоружили и отпустили с миром. Уже 18 (31) августа командир 9-й бригады 4-го конного корпуса генерал-майор

¹¹ ГАОО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

¹² Голубинцев А.В. Указ. соч. С. 112-113.

¹³ Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной. – СПб.: ООО «Издательство Росток», 2008. С. 393.

¹⁴ Возможно, Ходоско Николай Васильевич. Личности прочих установить не удалось.

¹⁵ ГАОО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 9. Л. 77.

¹⁶ Там же. Л. 32 об.

Г.В. Татаркин реквизировал денежные знаки на сумму 7,3 млн. руб. и процентные бумаги на сумму 6,6 млн. руб. Из воззвания Мамантова известно, что всего в банке имелось более 60 млн. руб.; на следующий день по его приказу Татаркин изъясил большую часть остававшейся суммы, оставив, впрочем, по просьбе чиновников банка 4,7 млн. руб. и 10 млн. прочими ценностями для выдачи жалованья служащим и рабочим. Попытки отдельных пьяных казаков искать деньги успехом не увенчались.¹⁷

В субботу, 24 августа (6 сентября) все штабы и управления покинули Елец, где остались лишь небольшие группы пьяных калмыков, промышленявших грабежом. Двое из них ворвались в банк и обыскали денежный сундук. «В это время за ними пришел офицер. Они вышли. Спустя минут пять они заявили вновь и смотрели браслет у кассирши Сокольской, их опять вызвал офицер, после чего [служащие] поспешили убрать деньги и закрыть кладовую».¹⁸ Поразительно, что, вопреки частым примерам обратного, офицер не только пресекал грабеж, но и добился в этом успеха.

В Ельце в это время едва не погиб известный русский писатель М.М. Пришвин. Как «пособник большевиков» (работал учителем в советской школе) он чуть было не оказался расстрелян. Спас его счастливый случай. Конвоирами были калмыки, с которыми он заговорил на их родном языке, зная всего несколько слов. По некоторым сведениям, они прониклись уважением и доложили о странном человеке офицеру, а тот – самому Мамантову, который, зная произведения Пришвина, «решил временно расстрел отложить и пригласил Михаила Михайловича к себе на беседу. Но писатель, как только стражники ослабили внимание к нему (этого «типа» ведь сам генерал приглашает!), сбежал от мамантовцев...»¹⁹

В день ухода казаков из Ельца Реввоенсовет Южного фронта Красной Армии издал приказ о создании Елецкого укрепрайона, в который вошли

¹⁷ Там же. Лл. 32 об., 34, 36.

¹⁸ Там же. Л. 35 об.

¹⁹ Коновалов А. Бежал с родной земли // Нева. 2017. № 1. Электронный ресурс: <http://журнальныймир.рф/content/bezhal-s-rodnoy-zemli>. Дата обращения 22.09.2019 г. Сам Пришвин гораздо

Ливны; в разъяснительной директиве одной из его задач определялось «непосредственно преградить наступление противника на Елец на важнейших направлениях от ст. Касторная, Липецка, Ливен и Орла».²⁰ Несмотря на уход казаков, из штаба обороны Ливно-Елецкого района сообщали, что спокойная обстановка сохранялась только в западных волостях Ливенского уезда и вблизи железнодорожных веток Ливны – Верховье и Ливны – Мармыжи. В Ливнах начал действовать 52-й сводный эвакуационный госпиталь. По мере приближения фронта советское руководство замечало усиливающееся ожидание прихода добровольцев и рост безразличия к собственной политике. Стремясь удержать власть и воодушевить население, в Ливнах побывал председатель Реввоенсовета Республики и народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, но его пламенные речи перед рабочими успеха не имели.²¹

Овладение белыми Курском 7 (20) сентября 1919 г. определило три относительно самостоятельных направления дальнейшего движения: Дмитриев-Льговский – Дмитровск-Орловский – Брянск, Кромы – Орел – Мценск – Тула, Ливны – Елец. На правом фланге, не встречая серьезного сопротивления, марковцы и алексеевцы быстро двигались на север, делая по 20 верст в день. Назначенный 17 (30) сентября комендантом Елецкого укрепрайона Я.Ф. Фабрициус сразу же получил приказ «организовать деятельную разведку конную, пешую и на подводах в направлении на Ливны, Землянск и Задонск»,²² что свидетельствует о полном отсутствии у советского командования оперативной информации об обстановке даже в близлежащих районах. Не удивительно, что при подходе Марковской бригады 19 сентября (2 октября) к Ливнам город был оставлен без сопротивления. По рассказам очевидцев, «во вторник пришел Деникин с регулярными войсками, наши будто бы сдались без боя, а на предложение расходиться ответили, что желают оставаться, потому что дома их все равно мобилизуют; не в пример Мамантову, будто бы Деникинские

позже неоднократно вспоминал об этом в своих дневниках, но, к сожалению, дневниковая тетрадка апреля-сентября 1919 г. была утрачена и непосредственные впечатления писателя не сохранились.

²⁰ Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Фелелов и др. Под ред. Г.М. Михалева и др. – Орел, 1963. С. 118.

²¹ Пылин Б. Первые четырнадцать лет: 1906-1920. – Калифорния, 1972. С. 80.

войска не занимаются грабежом, напротив, водворяют порядок».²³ В данном сообщении обращает на себя внимание подтверждение того, что принудительную мобилизацию в Ливнах действительно не проводили.

Елец вторично взять белые не смогли, но дважды начиналась эвакуация города, бои шли в трех верстах от окраин (деревня Казинка). При этом 9 (22) октября из города выехали не только все представители власти и учреждения, но и войска, и оборону города держал отряд коммунистов в 100 человек) и небольшой отряд матросов. Уровень елецкой паники иллюстрируется анекдотическим случаем: 15 (28) сентября «дети играли в красные и белые, красные вскочили на забор, крикнули: «Казачи!» – и целая рота настоящих красных солдат бросила ружья и бросилась бежать в разные стороны».²⁴

Для воодушевления населения и защитников Ельца приехал даже «всероссийский староста» – председатель ВЦИК М.И. Калинин. Выдающийся оратор, умеющий говорить с рабочими, заявил довольно откровенно: «Деникин, конечно, вначале принесет вам избавление от голода, он мало расстреливает [удивительное заявление для такого выступления! – Р.А.], вначале будет вам хорошо, а после зажмет... Мы действуем наоборот, вначале жестко, а потом мягко».²⁵ И, к удивлению елецких обывателей, рабочие на митинге «прониклись мыслью, что нельзя быть посередине». То есть, в отличие от недавнего посещения Ельца Троцким, Калинин добился гораздо большего успеха.

Для усиления паники над Орлом несколько раз появлялись аэропланы Добровольческой армии, разбрасывая листовки с кратким, но выразительным текстом «Будем в воскресенье!»,²⁶ то есть 29 сентября (12 октября).

29-30 сентября (12-13 октября) Орел оборонял 1-й коммунистический полк (отряд) М.Г. Медведева – наскоро мобилизованные большевики. Он отбил несколько атак в районе моста через р. Цон на участке шоссе Орел – Кромы. Само по себе этот временный успех необычен, так как общий уровень

²² Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. С. 136.

²³ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 392-393.

²⁴ Там же. С. 394.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 438-439.

²⁶ Там же. С. 393.

подготовки этого отряда должен был быть слабым – однако имеются сведения, что оборона была организована умело, позиции были оборудованы не только окопами, но даже проволочными заграждениями.²⁷ Однако вскоре Медведев получил ложный пакет с вызовом в штаб, был захвачен корниловцами в районе деревни Некрасовка и после недолгого допроса расстрелян. Оборона коммунаров была почти сразу смята 3-м Корниловским полком.

В понедельник 30 сентября (13 октября) к 16 часам со стороны Курских улиц* в Орел вступил 1-й Корниловский полк. Вначале части сосредоточились возле здания городской думы, где был уничтожен бюст К. Маркса и состоялось что-то вроде торжественной встречи с цветами.²⁸ Назавтра состоялся парад, в котором участвовали, правда, только запасные батальоны, а также танк, под восторженный рев толпы смявший увитую кумачом советскую трибуну.²⁹ Конные разъезды корниловцев на следующий день достигли Мценска.

О пребывании добровольцев в Орловской губернии имеются диаметрально противоположные свидетельства. Они заслуживают того, чтобы быть приведенными полностью. С одной стороны, некий «Очевидец», почему-то пожелавший остаться неизвестным, писал в декабре 1919 г. в газете «Красный Орел»: «Ливны словно вымерли. В 6 час. вечера появился первый разъезд, а через некоторое время под пение «Спаси, Господи, люди твоя» вошли белогвардейцы. После их прихода начались грабежи квартир – еврейских и русских «по ошибке», вымогательства с угрозами револьверами и винтовками, насилия над еврейскими женщинами. На следующий день начали убирать советские вывески, восстановлена дума, «свободная» торговля и всевозможные регистрации от военных до еврейских. В городе открылись лавочки со всякой снедью, где все можно было купить, но только за «керенки». Служащие и рабочие стали продавать вещи со своего плеча. Началась безработица. Настроение жителей, даже ждавших белых, начало изменяться. Появились

²⁷ Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. М.Н. Левитов. – Париж, 1974. С. 341.

* В Орле имелись пять параллельных улиц, носивших названия от 1-й Курской до 5-й Курской соответственно. Ныне четыре из них сохранили свое историческое название, а 5-я Курская переименована в ул. Фомина.

²⁸ Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года / Сост. С.Т. Минаков. – Орел, 1989. С. 50-52.

²⁹ Материалы для истории Корниловского ударного полка. С. 343.

приставы, урядники, старосты, воскресли помещики, из которых некоторые по уезду уже заявили свои права и кое-где преследовали крестьян. Некоторые крестьяне были повешены и висели в центре города довольно продолжительное время. Офицерство веселилось вовсю. Но на первом же спектакле 14 октября случился скандал. Во время акта на сцене появились пьяные офицеры и стали разговаривать с актерами. Режиссер не выдержал и прекратил спектакль. Публика покинула зал, но офицеры продолжали развлекаться». ³⁰ Безусловно, данная «зарисовка с натуры» ценна, но многое в ней передернуто. Например, добровольцы не практиковали классовый террор, но складывается обратное впечатление, так как не сказано, за что повешены крестьяне. Удивителен и пассаж о безработице, ибо она была симптомом как раз «военного коммунизма».

Житель села Соломатино писал в частном письме: «У нас были одни чеченцы (всадники Горско-мусульманского конного дивизиона – Р.А.), очень бесчинствовали, лезли в сундуки, требовали денег, грозя кинжалом и говоря: «Секим башка». ³¹ Орловчанка отмечала: «Никогда не представляла, чтобы армия Деникина занималась грабежами. Грабили не только солдаты, но и офицеры. Если бы я могла себе представить, как ведут себя белые победители, то несомненно спрятала бы белье и одежду, а то ничего не осталось». ³²

Справедливости ради отметим, что добровольческое командование пыталось пресекать эксцессы с местным населением – правда, довольно неуклюже и порой показательно, а не адресно. Так, на подступах к Орлу, в Фатеже, был арестован и расстрелян по приговору военно-полевого суда офицер-корниловец, к тому же первопоходник – по недоказанному обвинению в грабеже. Правда, в ходе разбирательства выяснилось, что «еще в Курске капитан Пузанков прямо на улице отобрал у какой-то дамы ценное ожерелье». Симптоматично, что сослуживцы всячески отрицали совершенное

³⁰ Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. С. 176.

³¹ Частные письма эпохи Гражданской войны. С. 237.

³² Там же. С. 239.

преступление, а мародера-однополчанина именовали впоследствии «невинной жертвой»...³³

Не удивительно, что местное население, к тому же побывавшее под воздействием умелой большевистской пропаганды, начинало проявлять недовольство и враждебность. Так, уже при вступлении в Орел подросток бросил в колонну корниловцев ручную гранату, но его тут же пристрелил один из офицеров. Здания Дворянского собрания (в районе нынешнего театра им. И.С. Тургенева) и «дворец Скоропадских» (ныне Орловская банковская школа), по поступившим от населения сведениям, были заминированы. В одном из них, тем не менее, расположился штаб дивизии, а в другом – начальник дивизии полковник Н.В. Скоблин с конвоем.

А вот далее сведения путаются. Традиционно считается, что Скоблин разместился в здании Дворянского собрания и именно он ночью в последние минуты заметил загоревшуюся неизвестную проводку, идущую к минам, поднял тревогу и спас подчиненных; никто не пострадал. Однако в истории Корниловского ударного полка говорится, что полковник Скоблин изначально разместился (и даже повздорил по этому поводу с начальником штаба дивизии Генерального Штаба капитаном К.Л. Капниным), наоборот, во «дворце Скоропадских»: «Во дворце Скоропадского стоял полный беспорядок... Нетронутым остался огромный зал: чинно в ряд стояли стулья перед столом, покрытым красным бархатом; таким же бархатом была обита нижняя часть всех стен; в золоченых старинных рамах висели портреты большевистских вождей. С хохотом и бранью конвойцы стали колоть и рубить пашками ненавистные лица».³⁴ И инцидент именно там. А через несколько часов, глубокой ночью, ярко вспыхнуло и дотла сгорело Дворянское собрание.

Не менее живописны и свидетельства об обратном. При вступлении Марковской бригады в те же Ливны горожане забрасывали ее черно-белые шеренги цветами. Б. Пылин отмечает: «С приходом добровольцев наш город нельзя было узнать, все выглядело как-то по-праздничному. На базаре было

³³ Материалы для истории Корниловского ударного полка. С. 310.

небывалое оживление, откуда-то появились сахар, мука, масло, яйца. Крестьяне опять повезли продукты в город»,³⁵ – вряд ли их тянуло бы туда, если бы их там грабили и вешали... Добровольцев настолько поразили изголодавшиеся жители, что марковские повара по личной инициативе стали подкармливать горожан из полевых кухонь. Сообщений о враждебных белым действиях населения в Ливенском и Елецком уездах нет. В 1-й и 2-й Марковские полки поступило много добровольцев из крестьян – участников Ливенского восстания в августе 1918 г.; в целом уезд дал максимальное пополнение Добровольческой армии.³⁶ Всего же за время боев на Орловской земле на фронте только Корниловской дивизии к белым перешло 8 тыс. красноармейцев (что превышало ее исходную численность), большинство из которых пополнило ее ряды.³⁷

Довольно курьезен, но при том весьма характерен слух, циркулировавший между Ельцом и Ливнами и возникший по принципу «сломанного телефона»: «Жизнь в слухах... Меншевик рассказывал разговор с солдатом: «Какого же полка?» – «Маркова 2-го»... А может, и правда, что есть полк имени Маркова 2-го?.. Окончательно установлено, что елецкие белые состояли из полков имени Маркова 2-го, одного из первых виновников гибели нашего отечества».³⁸ Очевидно смешивание 2-го Марковского полка и известного черносотенца Н.Е. Маркова. Но чрезвычайно симптоматично, что явно негативное отношение к крайне правым, а через них и к белым, высказывает даже человек, который в тот момент настроен антибольшевистски и заявляет: «Нет же, пусть меня лучше застрелит пьяный калмык, чем засудит Чека!».³⁹

Неудивительно, что даже при значительном перевесе сил большевики охотнее всего использовали Латышскую и Эстонскую стрелковые дивизии, китайские части а также Червонное казачество, – то есть войска, этнически и территориально чуждые местному населению. Особого упоминания

³⁴ Критский М.А. Указ. соч. С. 141.

³⁵ Пылин Б. Указ. соч. С. 50, 53.

³⁶ Цветков В.Ж. Добровольческая армия в Центрально-Черноземном районе (сентябрь-октябрь 1919 г.)//Война в истории России: Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). – Курск: РОСИ, 1997. С. 152.

³⁷ Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Указ. соч. С. 264-265.

³⁸ Пришвин М.М. Указ. соч. С.392, 432, 433, 440.

заслуживают загадочные воинские части, именуемые то «Еврейским коммунистическим полком»⁴⁰ в журнале боевых действий корниловцев, то «Особым еврейским батальоном»⁴¹ в очерке боевых действий Дроздовской дивизии и отличавшаяся исключительной стойкостью в бою. При этом в равной степени сказывались и ограниченность людских ресурсов Центральной России после целого ряда мобилизаций, и неуверенность в надежности ее жителей по отношению к большевистскому режиму.

На правом фланге 24 октября (6 ноября) несущие крупные потери добровольцы откатились на 35 верст к юго-востоку от Ливен, причем противник в тот день захватил 30 пленных, 3 пулемета, большое количество снарядов и другую военную добычу. А в оставленном городе началась «резня всех, кто сочувствовал» добровольцам.⁴² В мемуарах есть упоминание о том, что наибольшие потери Алексеевский полк понес не в боях. При отступлении офицерская колонна попала в засаду краснопартизанского отряда Тер-Петросяна (Камо), и многие полегли под кинжальным огнем шести скрытых пулеметов.⁴³

Орловско-Кромское сражение обескровило 1-й армейский корпус – главную ударную силу Добровольческой армии и ВСЮР. Инициатива перешла к противнику. Местное население откровенно устало от Гражданской войны и, будучи недовольно тяготами «военного коммунизма», все же явно не желало возвращения к «старому режиму», а внятно и доходчиво обозначить иные цели белые не смогли. Несмотря на относительно терпимые отношения с добровольческими войсками (исключая крайне негативно воспринятых казаков), широкой поддержки население им оказывать не стало. Главным итогом поражения Добровольческой армии под Орлом стал общий надлом сил и морального воодушевления, которые в ходе летне-осеннего наступления 1919 г. были напряжены чрезвычайно и безрезультатно.

³⁹ Там же. С. 425.

⁴⁰ Материалы для истории Корниловского ударного полка. С. 348.

⁴¹ Трофимов П.М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на пути к Москве осенью 1919 года / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Р.Г. Гагкуева. – М.: Кучково поле, 2018. С. 132.

⁴² Пылин Б. Указ. соч. С. 59.

⁴³ Разин-Аксенов Р.В. Центральная Россия. Закавказье. 1919-20 // Сказание о Гражданской: Записки участников Гражданской войны / Сост. и коммент. С.Н. Семанова. Предисл. Э.М. Щагина. – М.: Современник, 1987. С. 156.

**Сведения об авторе: Абинякин Роман Михайлович, кандидат исторических наук, доцент
Кафедры истории России Орловского государственного университета им. И.С.
Тургенева.**